

⁴⁹ Впервые часть этого текста была опубликована в переводе на эстонский язык. См.: Manzin K. Karjalaste vanalest ruimakommetest // Läänemeresoomlaste rahvakultuurist. Tallinn, Valgus, 1970. P. 20–32. Полный текст был издан уже после смерти К.В. Манжина. См.: Манжин К.В. Вельсегонская свадьба // Вельсегонск. Краеведческий альманах. – Вып. 1. – М.; Вельсегонск: филиал ФГУП «Военное издательство» МО РФ, 2006. – С. 125–162.

⁵⁰ ТГОМ. Вф. К Вф 20/41 а. Тет. № 1. Л. 1: Жилище и хозяйственные постройки карел Вельсегонского района Калининской области в прошлом и в настоящее время.

⁵¹ Там же. Вф. Мф. № 980. Л. 1: Деревенская постройка в Вельсегонском уезде Тверской губернии.

⁵² Там же Л. 11.

⁵³ Там же. Л. 6–7.

⁵⁴ Там же. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Л. 40.

⁵⁶ АТГОМ. Оп.1. Ед. хр. 710. Тет. II. Л. 13–16: К.В. Манжин Свадьба; народные сказки; рассказы отходников; автобиография.

⁵⁷ Там же. Вф К-Вф, ко 30/42. Л. 4–5: Вельсегонский уезд в годы революции 1905 г.

⁵⁸ Там же. Л. 18–19.

⁵⁹ Там же. Л. 19–20.

⁶⁰ Там же. Л. 53.

⁶¹ См.: Кознова И.Е. Аграрная модернизация в России и социальная память крестьян // Реформаторские идеи в социальном развитии России / Отв. ред. С.А. Никольский. – М.: ИФ РАН, 1998. – С. 222–243.

⁶² Безрогов В.Г. Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти // Сотворение истории. Человек. Память. Текст: Цикл лекций / Отв. ред. Е.А. Вишленкова. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – С. 9.

⁶³ ГАТО. Ф. Р-1523. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

⁶⁴ Там же. Д. 5. Л. 36: Лебедев А.И.

Тверская Карелия.

⁶⁵ Там же. Л. 25.

⁶⁶ Там же. Л. 38–40.

⁶⁷ Там же. Л. 41.

⁶⁸ Там же. Л. 106.

⁶⁹ Там же. Л. 107.

⁷⁰ Там же. Л. 103.

⁷¹ Там же. Л. 116.

⁷² Там же. Л. 77.

⁷³ Там же. Л. 89.

⁷⁴ Там же. Л. 97.

⁷⁵ Девятко И.Ф. Указ. соч.

Этнолокальные соотносительные представления в сельских местностях Поважья в XX – начале XXI века

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ЗИМИНА

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Научный сотрудник отдела этнографии русского народа
e-mail: ziminat@mail.ru

В статье на основе полевых материалов дается характеристика представлений жителей трех районов Поважья (бассейн р. Ваги, территориально – Архангельская и Вологодская обл.) о территориальных границах и самобытности своей малой родины, об отличительных этнокультурных чертах, присущих «своим» и «чужим», т. е. соседям из близлежащих или отдаленных поселений.

Ключевые слова: локальные особенности, локальные группы, территориальные группы, малая родина, самосознание, идентификация.

Correlated Ethno-Cultural Notions in Diverse Rural Ethnic Localities in the River Vaga Basin in the 20th to Early 21st Century

TATYANA A. ZIMINA

Researcher, Department of the Ethnography of the Russian People,
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: ziminat@mail.ru

On the basis of field materials the author draws characterizing conclusions regarding the notions of the inhabitants of three areas in the basin of the River Vaga, in the Arkhangelsk and Vologda Regions, concerning their territorial borders, the originality of their immediate birthplaces and the ethno-cultural features characteristic of “their own folk” and aliens, i.e. their neighbours from places nearby or farther off.

Key Words: local peculiarities, local groups, territorial groups, immediate birthplace, ethnic self-identity, identification.

В ходе историко-этнографических экспедиций, проходивших в 2003–2011 гг. на территории Поважья (Архангельская и Вологодская обл., бассейн р. Ваги), изучались локальные варианты традиционной русской культуры¹. В зону исследования входили деревни и поселки Аргуновского, Муравьевского, Ракуло-Кокшеньского, Усть-Вельского, Усть-Шоношского, Шоношского сельских поселений (далее – с/п) и Вельского городского поселения Вельского р-на, Верхопаденьского, Ровдинского,

Сюмского, Усть-Паденьского с/п Шенкурского р-на Архангельской обл., Шелотского и Климушинского с/п Верховажского р-на Вологодской обл. Опрос проводился среди жителей преимущественно старшего и среднего возраста (1908–1966 г. р.). Тематика исследования охватывала различные стороны традиционного образа жизни. Одной из тем, по которой в течение шести полевых сезонов собирались сведения, были представления, бытующие у населения, о конкретных локальных группах и об отличии-

тельных чертах, на основании которых эти группы выделялись².

В процессе исследования выявлялось мнение опрошенных об особенностях культуры и быта, приписываемых территориальным группам населения. Такая информация встречалась редко и получить ее во время опроса не всегда удавалось. Связано это с тем, что многие местные жители не видели отличий между группами населения, рассуждая: «Мы, как все», «все мы одинаковые, как и везде», «все, как в одной коже»³. Те же, кто, хотя и был уверен, что «жисть почти одинаковая, што здесь, што там», но «в каждой деревне свое», не всегда могли указать на конкретные элементы своеобразия культуры выделяемой группы. Практически все местные жители, прежде всего, отличали друг друга по территории, на которой проживали.

Территория. В народных представлениях место рождения и проживания относилось к числу важных характеристик любого крестьянина. Традиционно в групповом сознании выделялась территория, которую называли «своей», «нашей»; ее жители, как правило, те, кто родился здесь, осознавали себя «местными», «здешними». За пределами этой территории проживали «чужие», «не наши». В качестве «своей»/«не своей» территории выступали разного масштаба поселенческие образования – часть деревни, деревня, группа деревень, сельсовет (ныне – сельское поселение), район; у старшего поколения сохранились воспоминания о приходе и волости. Описывая свою (а иногда и чужую) территорию, указывали обычно название, составные части и их названия (например, поселения, угодья), соотносимость с принятыми и существовавшими в прошлом административно-хозяйственными единицами, расположение относительно рек, общее название для проживавших здесь людей.

Четкие представления о «своей» и «чужой» территории были обусловлены существованием административного деления, которое предполагало наличие конкретных границ. К таким территориям можно отнести деревню с принадлежащими ей угодьями, названия и границы которых были хорошо известны каждому ее жителю. В рассказах представителей старшего поколения деревня нередко ассоциировалась с колхозом, важной территориально-хозяйственной единицей 1930–1940-х гг.⁴, а их названия перепутывались; в каждом населенном пункте располагался колхоз или его отделение/бригада.

За пределами деревни для обозначения ее жителей принято было использовать общее наименование, образованное от названия посе-

ления: «[Наша деревня] – Злодеево. А нас называли злодеевские, там вот Бор – там боровьяне скажут. Тут Леонтьево – леонтьевцы, за рекой Ленно – ленновцы, там Каменно – каменцы, Никифорово – Никифоровцы. Все вот так»⁵ (Вельский р-н). В некоторых случаях названия деревенских жителей походило на прозвища: «Так вот, этих щелкановских – все, да и теперь, – щелкари, щелкари, говорят. А нас, так погощене [д. Погост], так и звали погощене, а этих – заподюжины [д. Заподюжье], жителей <...> д. Келарева Горка называли горюна»⁶ (Вельский р-н).

Употребление этих именований в разговоре нередко имело цель показать, что тот или иной человек «нездешний», «не наш», а значит, не знает местных обычаев. Презрительное отношение к приезжим можно увидеть в словах жительницы д. Тронинская (Шереньга) Шенкурского р-на: «Мы доморощенные, а вы – все приезжие, вшивики»⁷; приезжими при этом считались и те, кто переехал из соседней деревни в результате замужества или укрупнения поселений. «Нездешними» ощущали себя и сами приехавшие, хотя проживали на так называемой «не своей» территории уже в течение многих лет, являясь при этом уроженцами близлежащих деревень. При обращении к ним с привычной для этнографа просьбой рассказать о «том, как раньше жили, какие праздники справляли», в ответ можно было услышать, что они ничего не знают, т. к. не считают себя «местными», и отсылают к этим самым «местным».

Внутреннее пространство деревни делилось на части, это, как правило, находило отражение в самосознании деревенских жителей. В традиции эти части редко имели названия в виде имен собственных, чаще они обозначались через оппозицию – «верх»/«низ» («центр», «середина» / «край», «конец»). Во времена колхозов эти деления становились полуофициальными, т. к. соответствовали делению по бригадам; отсюда и новые названия частей деревень – «1-ая бригада», «2-ая бригада» и т. д., которые до сих пор используются старшим поколением. Современную традицию выделения в поселениях улиц и наименование их старшее поколение не воспринимает, тогда как молодые нередко употребляют эти названия в качестве разделительного признака.

Разделение по приходам и волостям сохранилось в памяти людей старшего поколения. Старожил (1923 г. р.) Ракула-Кокшеньгского с/п Вельского р-на, территорию которого разделяют на три части, вспоминал: «Держина [одна из частей] <...>, она ведь была не наша. Эта самая Держина и весь приход был в Чадрому.

Они ходили в Чадрому – в церковь, молились чадромскому попу. Они сюда [в церковь Покровского Ракульского прихода] не ходили <...>. У них [в Ульяне – другая часть] была своя церковь, и находилась она там у кладбища <...>. Но мы туда не ходили, у нас свой приход – Ракульский. А у них Власевский приход, а там – Заволочевский приход...»⁸.

В д. Якунинская (Шелота) Верховажского р-на была записана информация о волости с перечислением групп поселений, в нее входивших: «...а волость была очень большая, крупная. Двина входила туда, Дор, Жихово входило, Липки. Это волость была Шелотская. А Дор – это отдельно поселение было, там и церковь была тоже»⁹.

Повсеместно опрашиваемые идентифицировали место своего рождения и проживания с принадлежностью к сельсоветам, а также к сельским поселениям. Но в первую очередь они осмыслили себя уроженцами и жителями кустового объединения деревень: «А Парасковья, та вышла на Шеньгу»; «У меня мама с Паденьги была, а замуж вышла сюда, на Шереньгу...» (Шенкурский р-н). Оно включало от двух до восьми населенных пунктов и представляло отдельную территорию, имевшую единое название и общие границы. Такого рода территориальные группы широко распространены в Поважье, в народе для их обозначения применяли термин «округа». В границах кустового объединения нередко существовали и приходы, и административно-хозяйственные подразделения советского времени – сельсоветы, колхозы, совхозы.

Большинство названий групп деревень связаны с реками, в бассейне которых они находились, и с расположением их относительно друг друга и течения реки: Усть-Подюга, Нижняя Подюга, Подюга, Верхняя Подюга (Вельский и Коношский р-ны); Усть-Сюма, Средняя Сюма (Шенкурский), Терменга (Верховажский) и т. д. Названия кустовых образований фигурировали в официальных названиях приходов и сельсоветов, даже если и не совпадали с ними полностью территориально.

По воспоминаниям старожилов (1923–1925 г. р.), для деревень одного кустового объединения, совпадавшего с приходом, некогда в народе употребляли краткое название приходской церкви. Об этом рассказывал житель д. Зенкинская Верхопаденьгского с/п Шенкурского р-на: «А у нас ведь раньше не знали Верхопаденьги-то, пойдешь в Паденьгу или Верхосуланду, скажут: «Откуда?» – «От Покрова!», а не от Верхопаденьги. А потому што Покровская церковь тут была, да все тут

«Покров» звали. <...> а в Поташевке – так Никола, наверно, Николья была церковь»¹⁰. В советское время на кустовые группы могли быть перенесены названия колхозов или сельсоветов (связанных, например, с именами видных революционных деятелей), с границами которых они соотносились. «Но сначала тот край не Держиной звали, а звали «Заволочье <...>. А Ульяново <...> до этого называли – у Власья, Влас какой-то там был, <...>. Весь кусок [деревень] называли Власье»¹¹, а по-новому стали именовать Ульяново»¹², – рассказывали в д. Козловская Ракула-Кокшеньги.

Именования, которые давали представителям этих кустовых объединений за их пределами, происходили от общего названия округа, они были известны и воспринимались жителями куста. Внутри куста деревень нередко определяли центр и периферию, объединяли близко расположенные поселения, в качестве разделительного признака выступали природные и культовые объекты. В Верхопаденьге Шенкурского р-на так описывали свою территорию: «Ну вот наша деревня Погост называли, тогда Ивановское <...>. Дальше – Фалино, теперь Калиновская называют, дальше Зенкино, Зенкинская – и щас так же называют, потом Лосево, Лосевская <...> и Варакино, последняя деревня, к Шенкурску туда, самая крайняя, 4 километра от нас, теперь Бельневская. Это на этой стороне реки, а на той стороне реки – Часовенская, там часовня была и щас есть; Вяткинская деревня, Купуринская, Антоновская (Антоново) и Киселевская, раньше Киселиха называли»¹³.

Современные административно-территориальные образования – сельские поселения – включают, как правило, два-три кустовых объединения; обычно они носят название одной из округ. Но представления о территориальных объединениях деревень продолжают сохраняться. В расписании автобусов обычно указывают названия кустов деревень, при обращении к водителю используют эти же названия, т. к. если водитель – «нездешний», он не всегда знает названия всех местных деревень. Свою округу ныне нередко называют «малой родиной», ей приписывают исключительно положительные характеристики (особенно, если этих деревень уже не существует), а также посвящают стихи и песни.

Именования жителей другого рода территориальных образований – вагань, кулоян, пежмарь, тарнюк, устьяны (устьяки, устьянцы, устьянские), происходят от гидронимов и являются чаще всего экзоэтнонимами. Почти повсеместно под этими названиями подразумевали

жителей соответственно бассейнов рек Ваги, Кулоя, Пезмы, Тарни, Устья. «Расстояние-то – километров 7 между Кокшеньгой-рекой и Усьей, а Кокшеньга в Усью впадает. <...> их звали усьяна...»¹⁴ (Вельский р-н); «...на Пезме – пезмари, с Кулоя – кулояны, и с Устья – усьяны, усьяки»¹⁵ (Вельский р-н); «Наших ваганами все звали, званье-то было. <...> и там в Карелии нас ваганы звали...»¹⁶ (Шенкурский р-н). Причем местные жители нередко указывали, что разница между ними и их соседями только в том, что, «они живут на р. Устье, а мы – на Кокшеньге».

Жители бассейнов названных рек далеко не всегда применяли по отношению к себе эти названия, как правило, они идентифицировали с этими терминами только одну из поречных групп. В Шенкурском р-не, в д. Боровская (Верхосуланда) объясняли: «Нас <...> ну иногда и ваганами звали, иногда только прорвется. Но в принципе «ваганы» – это не к нам»¹⁷. В д. Филяевская, около Вельска, расположенной по Ваге, однозначно утверждали: «К Двинской Березине живут ваганы...»¹⁸. Население бассейна р. Пезмы (Вельский р-н) пезмарями именовало только тех, кто проживал в верховьях реки или непосредственно в с. Пезма.

Представления большинства жителей бассейна одной реки о себе и своих соседях определялись с точки зрения их расположения относительно друг друга по реке – «вверху», «внизу», «в устье», «в середине». Эти понятия нашли отражения в названиях как отдельных населенных пунктов (Верхняя Сельменьга, Нижняя Сельменьга (Шенкурский р-н), а также Верховажье), так и групп деревень (см. выше).

Понятия «верх» и «низ» использовали и в качестве названия и самоназвания без указания реки, и как один из важных разделительных признаков. Представителей «верха» и «низа» именовали, соответственно, «верходеревьяне»/«верходеревены»/«верхота», «низовцы»/«низовые»/«низ». Такие группы выделяли, например, жители рек Пезмы и Кокшеньги (Вельский р-н). За пределами Поважья термин «верхота» применялся жителями Архангельска и поморами по отношению к шенкурцам, которые проживали относительно указанных территорий в верховьях Северной Двины. В д. Боровская (Верхосуланда) Шенкурского р-на местная жительница в рассказе о своей тетке, вышедшей замуж за помора, упомянула, что его родственники и знакомые говорили о ней: «Чужачку привез, верхотку привез», – это в Поморье так нас называли...»¹⁹.

Реже можно было услышать о культурно-бытовых и нравственно-этических особенно-

стях населения. Они обычно замечались во время встречи местных уроженцев с приезжими – «пришлыми», «чужаками», когда возникала возможность сравнить и увидеть нечто отличительное. В прежние времена такие встречи происходили регулярно во время больших праздников, когда в один населенный пункт съезжались гости со всех сторон при заключении браков, при отходе на заработки, т. е. в тех случаях, когда в силу сложившихся обстоятельств человек выбывал из обычной среды или когда в его среду прибывали «чужаки». В советский период связи между различными группами населения активизировались, чему способствовали особенности административно-хозяйственной жизни (направление на работу в разные местности своего, а иногда и соседнего района, приезд специалистов из других районов и областей, централизованное обучение детей из разных местностей, школы с интернатами для детей из далеко расположенных селений и др.), а также переселения и укрупнения поселений.

История заселения и знание о посемейном составе поселения. Повсеместно все опрашиваемые могли перечислить по домам фамилии и прозвища семей, проживавших в их родной деревне (а иногда и в соседних), членов их семей, рассказать о местном/неместном происхождении фамилий и прозвищ. В Шеренге Шенкурского р-на рассказывали: «Вот Малышкино, <...>, там все были Шиловы. Сразу узнаешь, если фамилия Шилова, знай, что это с Малышкино. Дальше. Южинская у нас, – Костылевы <...>. А уже в Тронине и Симаковы, и Сквородкины, и Чернаковы, и Поповы. У нас Чернаковы фамилия, – это, считай, она погорельская. Погорелка – это сюда деревня. Она [фамилия] погорельская, так все поговаривали»²⁰.

В единичных случаях записана информация о происхождении деревень. Приведем в качестве примера сведения, полученные в д. Фоминская-1 (Средняя Горка) Усть-Вельского с/п Вельского р-на от местного жителя, 1933 г. р.: «Когда они [жители д. Фоминская-2] здесь поселились, пришли из Вологодской области, им дали место. <...> они давай строиться: лес рубить, да дома рубить <...>. Они из Вологодской, да, добровольно они шли, места себе искали, где можно было бы поселиться, жить <...>. А вот в Горке – это не с Вологды, это откуда-то оттуда, со стороны Новгорода. Это мне тоже старики рассказывали. Шли по рекам на своих лодочках, вот и плыли сюда. И смотрели: «А-а, места хорошие, тут выселяемся». А остальные дальше поехали вверх по Пезме.

И там места находили, опять селились <...>. А с Вологды позже пришли <...>. Вот только Олютино <...>, они тоже со стороны Вологды»²¹.

В Шеренге Шенкурского р-на различие между местностями видели в национальной принадлежности предков, основавших кусты деревень: «Наши деревни [основали], я слышал, што поляки-беженцы, от стариков-то. Вот там за Саргиной есть Глубоквка, а там русские беженцы бежали от царя. И там – русские, а здесь – поляки»²².

Оценка земель, материального положения населения. Крестьяне низовьев Кокшеньги (Вельский р-н), сравнивая свои земли с землями своих соседей – устьян, говорили: «А вот Усьяны – это вообще были хлебные. Раньше, в войну-то, наши все у них одежду, да все, на хлеб выменивали, все на Усью ездили. Так што Усья хлебная была»²³.

О плодородии земель соседнего куста деревень под названием Дзержина рассказывали жители Ракула-Кокшеньги (Вельский р-н): «... там богатые земли, на которых все урожалось, т. е. хлеба урожались хорошо, хорошие земли. Это Дзержина. <...> раньше так называлось»²⁴.

Отмечая достоинства своих лугов и сенокосов, жительница Шеренги Шенкурского р-на приводила в пример слова матери, уроженки соседней Паденьги: «В Паденьге вон тоже. У нас мама все поминала: “О-ой, сюда, – говорит, – приехала, дак Бог [здесь] велел траву косить, сама, – говорит, – косится, а у нас в Паденьге один белун”. И скот ведь худо ест такую траву»²⁵.

Местоположение: близость к центру/городу, культурное/глухое. В деревнях, являвшихся центральными в своем кусте, приходе, сельсовете или близкими к городу, традиционно несколько высокомерно отзывались о жителях, происходивших из дальних деревень. Первые считали и называли себя «культурными», тогда как дальние деревни презрительно именовали «глухая деревня», «глушь».

Уроженцы Ракуло-Кокшеньги (Вельский р-н) сравнивали себя с населением соседних кустов деревень: «Здесь у нас в Ракуле народ грамотнее был, потому што здесь школа была. А там уже (Заволочье, Власье) потемнее народ был. Хотя вот там, в Ульянове, тоже грамотный народ был, у них тоже была церковная школа»²⁶. Там же, в ближайшей к погосту деревне, высоко оценивали место своего проживания относительно других деревень того же куста, поясняя, что здесь находилась церковь и сюда собирался народ по большим праздникам: «А у нас здесь на Борке такая благодать была, што и на гулянья хватит»²⁷.

Со временем центр и периферия могли поменяться местами. Так, по рассказам, еще в середине XX в. Усть-Подюга, группа из 4-х деревень, являлась административным (сельсовет), культурным (клуб, магазин) и отчасти культурным (здесь находились закрытая церковь и кладбище, в соседней деревне существовало другое кладбище) центром сельсовета. Удаленные от Усть-Подюги деревни этого же сельсовета считались «глухими», «глушь». С переносом же административного центра в д. Усть-Шоноша Усть-Подюга перестала быть «центром» и превратилась в сознании населения в «глушь».

На город, как правило, ориентировались жители всех близлежащих деревень, также делившихся на «ближние», считавшиеся «культурными», и «дальние» – «глушь». «Тарасово – глухая деревня, а мама была еще не из самого Тарасова – это очень далеко от города <...>. Там вообще отличалась жизнь от здешней», – рассказывала жительница д. Лукинская, расположенной под Вельском²⁸.

Богатые/бедные. Представление о богатстве и бедности связывали с близостью к центру, качеством земель и трудолюбием населения. В пригородных деревнях Вельского р-на население считалось более зажиточным, чем в «глухих» деревнях, поскольку, по воспоминаниям, первые имели возможность продать в городе производимый в собственном хозяйстве продукт: «Молоко здесь в город продавали – деньги были»²⁹. Зажиточность устьян и дзержинцев в Ракула-Кокшеньге (Вельский р-н) объяснялась плодородием их земель и работой местных совхозов. В Шеренге Шенкурского р-на сравнение между деревнями также проводилось на основе работы располагавшихся в них колхозов. «Колхоз один был получше, другой похуже. На Сельменге очень хорошо жили. Жили плохо на Заборье, Погорелка, тут колхоз был очень слабый <...>. На Сельменге было хорошо всегда»³⁰.

Жители Ракула-Кокшеньги (Вельский р-н) выделяли и еще ряд местностей, где жили богаче, чем они: «...дальше туда, за Ульяново, Ростово, Тарнога, Устье – там богато жили, а наша сторона бедно жили»³¹. Они согласились и с мнением так называемых «колонистов» (ссылных), которые имели возможность сравнить их с другими поселениями: «Пройдись вот, Ракула-то – худо»³².

Хозяйство. Повсеместно были распространены рассказы о том, какими занятиями, ремеслами и промыслами славилась на стороне местные жители, а какими – соседние деревни, кусты деревень, районы.

В Вельском р-не, на территориях, прилегающих к Устьянскому краю, считали, что устьяне занимались только выращиванием хлеба, тогда как местные жители из-за низкого плодородия своих земель, кроме земледельческих работ, еще «смолу гонили, да декоть». Так, по рассказам, жили и «в старину», и при колхозах. В 1930–1950-е гг. в Ракуле, где ранее было развито смолокурение, существовали лесозаготовительные производства и «лесохимия». В соседней Дзержине на плодородных землях и лугах был создан скотооткормочный совхоз имени Ф.Э. Дзержинского.

По сообщениям жителей деревень, расположенных поблизости от г. Вельска, в послевоенные годы Печма была известна своим коневодческим хозяйством. Его сравнивали с госконюшней, находившейся в д. Хорошевская Усть-Вельского с/п. О масленичных выездах пещмарей в Вельск, когда в город собирались гости со всего района, до сих пор вспоминают. Житель д. Филяевская близ Вельска (1931 г. р.) так описывал эти катания: «Тогда кто желал, лошадь запрягал и поехали в город. Активнее всех, я вот помню, при моей памяти, это пещмари катались, с Печмы, там много лошадей приезжало»³³.

Гончарным центром в Вельском р-не до 1960-х гг. также слыла Печма. Недалеко от Печмы, в деревнях Усть-Подюги, рассказывали: «В Печме развито было гончарство и делали глиняную посуду из коричневой глины. Они же и привозили игрушки: петушки, как свистульки, курочки и свистульки; они и глазурью покрашены»³⁴. Жители д. Скомовская, вблизи Вельска, также свидетельствовали: «В Печме там горшки глиняные, крынки эти делали, а у нас тут не делали»³⁵.

В качестве отхожих промыслов существовали катальное и сапожное производства, пастушество. По рассказам старожилов, в 1920–1930-е гг. через вельские деревни проходили отходники из Верховажского р-на: «И нанимались приходили, и издалека приходили, с Верховажья многие. В пастухи нанимались. “Не надо ли сапожников”, “не надо ли пастухов”, – спрашивали по деревням. Там валенки еще катали ходили. Идут вот с Верховажья по тракту по нашему: “Кому валенки катать, кому подшивать”. Кому надо, брали»³⁶.

Кроме верховажских катальщиков, о которых упоминали также жители д. Усть-Шоноша, на территории Вельского р-на работали отходники и из других местностей. В Нижнюю Подюгу катальщики «приходили из устьян, из Велиц»³⁷, из Тавреньги³⁸,³⁹. В Ракула-Кокшеньге, в д. Березник валенки катали отходники из

Сокола Вологодской обл.⁴⁰, а в соседней д. Надручевская, расположенной чуть ниже по р. Кокшеньге, – «из Благовещенья»⁴¹.

Об отходниках-пастухах рассказывали в д. Зенкинская Верхопаденьгского с/п Шенкурского р-на. «У нас ребята были, которые допризывниками были, 18, 20 годов, они ходили в Карелию, все в пастухи. И вот оне весной уйдут туда, там коров отпасут, деньги получают, приходят уже с Карелии с гармонью <...>. Это старшие ребята, старше нас. Мы-то уж при колхозах росли, дак не ходили в пастухи дак при нас-то. Они хорошие пастухи, да-а!», – вспоминал один из старожилов, 1925 г. р.⁴².

В Печме, по рассказам местных жителей, каждая деревня специализировалась на каком-нибудь ремесле: «У нас в каждой деревне свое производство было: в одной делали колеса, в другой валенки, в третьей горшки из глины; каждая деревня своим ремеслом славилась»⁴³.

В ряде местностей жители отмечали различия в видах некоторых орудий труда, используемых в соседних территориальных группах, а также в связанных с ними способах выполнения работ.

В деревнях Шенкурского р-на для кошения использовали косу-стойку и косу-горбушу. Жительница г. Шенкурска, уроженка д. Желтиковская (Верхосуланда), рассказывала, как была удивлена, увидев, что в деревнях вблизи города косят косой-горбушей, которая не бытовала и была неизвестна в ее родной местности, где все косили косой-стойкой: «Эти косы были с двумя ручками, косили косой только траву; кос-горбуш у нас не было, они ближе к Шенкурску и за Шенкурском; я видела – так смешно и необычно: они ж на коленях косят»⁴⁴.

В Вельском р-не в деревнях Шоношского с/п различали два варианта косы-стойки. Один из них имеет один «костылек», расположенный перпендикулярно косовищу, а другой – два. От вида косы зависел и способ кошения: в одном случае косарь держится за «костылек» и косовище, и при этом работает верхняя часть туловища, в другом – за два «костылька», в этом случае работает только плечевая часть туловища. По словам уроженца д. Нермышы (Шабаново), 1964 г. р., в каждой деревне был принят свой тип косы и, соответственно, способ кошения⁴⁵.

Одежда. Население деревень близ Вельска и Верхопаденьгского с/п Шенкурского р-на отмечало своеобразие одежды устьян. Жительница д. Злодеево Вельского р-на, 1915 г. р., вспоминала о разных видах сарафанов, объясняя: «У нас лифтик просто такой: он кругом сделан [горловина], и рукава вылиты [вырезаны

проймы], а эт на пуговицы. А устьянские, те на лямках носили»⁴⁶. В д. Филяевская рассказывали об особенностях их верхней одежды: «Вот я знаю, што устьянцы шубы в талию носили. У них шуба была в талию сделана – это усьяки. Уже по шубе их узнавали, было это. Но это давно, так говорили»⁴⁷. Жителей д. Селютинская удивлял внешний вид устьянок, направлявшихся по праздникам в церковь: они шли босиком, сапоги же связывали веревкой и перебрасывали через плечо; подола сарафанов и юбок затыкали за пояс. В д. Часовенская (Верхопаденьга) Шенкурского р-на посмеивались над повседневным ношением устьянами лаптей: «А лапти, как я помню, все усьяки носили; их ведь называли усьяки-лапотники»⁴⁸.

По яркости и цветовой гамме одежды в Вельске и близлежащих деревнях выделяли пещмарей: «[В Кириллов день] со всево района собирались. Ой, народу! Вот особенно пещмари, так у тех все красное, голубые, всякие платья»⁴⁹.

Жители близких к г. Вельску деревень передавали воспоминания своих родителей о различиях, существовавших в 1920–1930-е гг. в одежде населения пригородных и далеких от города деревень: «здесь [вблизи города] уже не модна была домотканка. А у них [в дальних деревнях] еще – в почете. Так полотенца и сарафаны у мамы были домотканые, а все остальное покупное»⁵⁰.

В ряде мест Устьянского и Верховажского р-нов длительное время девушки и молодые женщины носили по праздникам сарафаны. Об этом свидетельствовали их соседи, которые хоть и сохраняли этот элемент одежды, но использовали его зачастую исключительно в святочных костюмах ряженных. В деревнях близ Вельска с некоторым пренебрежением сообщали о бытовании сарафанов у устьян. Зато в низовьях Кокшеньги и в Шелотах Верховажского р-на к такому наряду соседей относились одобрительно. В Верховажском р-не в соседнем с Шелотами кусте деревень гости отмечали еще одну деталь местного праздничного костюма девушек – разноцветные ленты, вплетаемые в косу⁵¹.

Говор. Вельчане всегда посмеивались над речью устьян: «Очень устьяны отличались. Их можно было сразу узнать. А щас-то нет, они щас уже приравнялись. Коренные-то, конечно, отличаются устьяны, они с протяжкой немножко так говорят. Наше наречие ведь красивое, свое, а они – немножко другое»⁵².

О протяжной речи соседних деревень говорил житель д. Фоминская-1 близ Вельска: «Вот только Олютино, там у них разговор был не такой, <...> протягивали. А тут много таких:

вот в Шабанове, Ефтюшине, – тянули слова»⁵³. Рассказчик полагал, что это произношение объясняется происхождением населения д. Олютино, пришедшем из Вологодского края. Об этой же особенности говора вологодского населения говорили и в д. Филяевская Усть-Вельского с/п: «Даже взять Вологодская область, и то наречие у них другое, они тоже “протягивали слова”»⁵⁴. С ними соглашались в Ракула-Кокшеньгском с/п: «Это туда, за Костылево-Ямциницы, там так разговаривают, и там какой-то Волос, воложане – они как-то протяжнее. Там уже Вологодская область»⁵⁵.

На Кокшеньге отмечали и своеобразие говора населения бассейна р. Вели: «А вот дальше там – это уже пойдет Коспелево, там уже как-то говорят, уже как-то не так, там Вель, так: “Пошли в Вель за грибам, за ягодам”, а мы говорим: “За грибами, за ягодами”»⁵⁶ (Вельский р-н).

Упоминали и о различиях в лексике. Так, жительница д. Селютинская Усть-Вельского с/п сравнивала речь местного населения и устьян: «Я запомнила, что мы говорим: “Ты не говори”, а они: “Ты не бай”. А спрашивают: “Кой дошел-то?” – “Той-то вот”, это спрашивают, как дошел-то, так и рассказывали»⁵⁷.

Также указывали на существование местных названий одного и того же предмета быта, например, утвари. В Верхосуланде Шенкурского р-на рассказывали: «Еще есть кузов – это плетенный, <...> у других там пестери што ли называются, – это далеко от нашей Запаковы, а у нас кузов»⁵⁸. В Дзержине Вельского р-на: «Шолган – это еду носят с собой, калабыш звали ишо этот шолган. На Дзержине-то у нас калабыш, все калабыш. Это суды [в Ракулу] мы пришли, здесь это шолган»⁵⁹. Отмечали и отличия в названиях блюд (см. Пища).

Праздники. Различия в годовом цикле праздников, характерных для той или иной местности и связанных с жизнью прихода, хорошо известны местному населению. Представления о «своих»/«чужих» праздниках сохраняются до сих пор. В ходе опросов часто перечисляли праздники, отмечаемые в деревнях бывшего прихода, а также в соседних деревнях других приходов или кустов деревень, куда обычно отправлялись на гулянья. О праздниках соседей всегда говорили: «Это не наш праздник, мы не отмечали», т. к. не готовили праздник, а только участвовали в нем.

Посещая праздники соседних деревень, нередко подмечали и некоторые особенности. В одних местах, например, устанавливали качели, в других – нет. Старожил д. Зенкинская в Верхопаденьге Шенкурского р-на (1925 г. р.)

высказывал свое неудовольствие по поводу недавно установленной у сельсовета качели: «[Качелей] не было у нас. А на Паденьге там вековечно качель была, а у нас вот только теперь качель сделали. На Паденьге там это Заговенье, этот праздник 27 июня, Качельное заговенье, так там оно вековечно, как я ни помню, все туда ездили качались. А у нас только малых-то ребят качать делали. А больших не было. Не было, не было, это теперь тут вздумали»⁶⁰. Кроме того, отличались и типы устанавливаемых качелей. «И кочуло сделают к Пасхе обязательно. <...> на улице, если холодно, то у ково гумно – в гумне. Или переводина, или за дерево, там вверху, веревку привяжешь. А вот на Устье-то кругом были качели⁶¹, кругом 4 ящика, туда подымались, и прям над угором, и веревки на кол прям привязаны⁶²», – рассказывали в д. Климово, расположенной в низовьях Кокшеньги, о своих качелях и качелях соседней-устьян.

Праздник повсеместно ассоциировался с варением пива. Там, где престольный праздник совпадал с одним из основных праздников православного календаря, например, с Рождеством Христовым или Троицей, тоже варили пиво. Но соседи нередко воспринимали это как некую местную специфику празднования соотвественно Рождества или Троицы: «У нас-то на Держине не знали такова, а вот на Усье-то пиво варили в эти праздники»⁶³.

Особенности характера и поведения, групповые клички. В Вельске и Вельском р-не до сих пор рассказывают о гордости и высокомерности, оборотистости и задиристости пезмарей. Сами пезмари о себе тоже высокого мнения, которое запечатлелось в высказывании уроженца д. Фоминская-1, 1933 г. р.: «Выше человечества пезмари, высшая раса человечества»⁶⁴. Представление о задиристости нашло отражение в присказке, распространенной среди вельчан: «Пьяный пезмарь страшнее танка». Некоторые отмечали веселый нрав пезмарей, вспоминая о катаниях на Масленице.

Веселым нравом, по словам населения Верхопаденьги Шенкурского р-на, обладали жители соседнего куста деревень под названием Верхосуланда. «Поедете туда, там вас повеселят», – говорили участникам экспедиции 2009 г.

В Усть-Подюге Вельского р-на были записаны краткие характеристики жителей почти всех деревень, входивших в этот куст: «Самые простые люди живут в Щелканове, на Погосте – самые культурные, но здесь есть и Заподюжье – те непростые, с хитрецей»⁶⁵.

Прозвища были зафиксированы для разного рода территориальных групп. По словам жителей соседних с Пезмой поселений, за ее преде-

лами, «звали пезмарей “картовники”. А почему так звали – кто его знает. Нас может не одну сотню лет так зовут. Все так зовут, “пезмари-картовники”»⁶⁶. О прозвании устьян «лапотниками» – см. выше.

Шенкуряне, уезжавшие из родного края в другие места Архангельской обл., рассказывали, что за жителями бассейна р. Ваги закрепилось прозвище «водохлебы», которое они, в отличие от гидронима «ваганы», принимали: «Нас вообще-то “водохлебы” звали, наши чай любили – “водохлебы”. А ваганами? – ну иногда и “ваганами” звали <...>. “Водохлебами” звали всех местных, – чайку-то любили попить. Самовары-то ставили, видели какие! Эмалированный самовар у нас еще стоит, так на 5 литров самый малый. После бани-то этот самоварчик – как и не бывало»⁶⁷.

В Усть-Подюге Вельского р-на соседей из Нижней Подюги: «...богомолами звали. Потому што там у них стояла часовня, маленькая такая часовенка»⁶⁸.

Жители Шереньги Шенкурского р-на считали, что «у нас люди доброжелательные», и потому колдунов мало, а «настоящие колдуны живут в Верхопаденьге, Верхолетке, Глубоковке»⁶⁹.

Об общедеревенском прозвище упоминала уроженка д. Мокеевская Усть-Вельского с/п, 1926 г.р.: «Так вот про наших в Тупицыно все говорили – шептуны, што никогда не слышно, што ругаются. И баб так называли мокиевских, што мол, не ругаются никогда, а шопчутся»⁷⁰.

Драка. Представление о локальной идентификации наиболее ярко проявлялось в противостоянии неженатого мужского населения, т. е. в драках. При этом одних обвиняли в драчливости и называли «забияками», другие уверяли, что «больших драк у нас не было». В деревнях Шереньги Шенкурского р-на драчливыми и задиристыми считали парней и мужиков из Усть-Пуи: «Усть-пуян не любили. Как они придут, так и драка. Они тоже наших потом ловили. Как где поймают, взбучку дают хорошую. Они там по асфальту, на своротке. Как едешь, они тут на своротке стоят ждут – должен ехать такой-то <...>. Лучше было – не обижай их. Они и щас еще некоторые мужики вспоминают. Все говорят, нас били раньше, шеренжан». Однако драки происходили с представителями другого куста деревень, с которыми вместе учились и жили: «Чево уж говорить, вот пример, до 4-го класса здесь школа была, с 5-го в Усть-Паденьгу ходили. Так жили по квартирам, в деревнях жили. И вот Паденьга и шеренжане. А как в субботу пойдут домой, поднимутся снизу с Усть-Паденьги в гору-то, и пошла

у них драка между собой – все. Усть-паденьгские тоже нас бивали. Они ловили нас, знали, где пойдем»⁷¹.

В д. Тупицыно, расположенной на р. Пезме, вспоминали: «Внутри деревни не дрались. Обычно деревня на деревню. Вот ходили к нам на Троицу, (<...> большой-то у нас праздник был) так собрались вон туда [на луг] и ребята, вот которые, мы называли их низовцы, они вниз по Пезме <...>. Вот они специально шли в Тупицыно драться. Там деревни по Пезме были, Злодеево, Камена и никифоровцы были, – в общем, все они шли драться»⁷².

Отношения выясняли и соседние деревни, входившие в одну округу. Житель д. Щелканово, Усть-Подюга Вельского р-на, сообщал: «...вот “щелкари”, Щелканово – это вот так. Раньше, говорят, больше драчуны были, не ладили друг с другом – было и такое. От стариков-то это я слышал все. А дрались с кем. Да вот у нас деревня с деревней, вот Келарева Горка, Горка есть, да и тут у нас в Усть-Подюге – вечно скандалили. Вот праздник придут – вечно скандалили <...>. А горюну эту вообще в Усть-Подюге не любили, они задиристые были ребята»⁷³. Подобное мнение сложилось в деревнях Верхопаденьги Шенкурского р-на о ребятах из «своей» д. Часовенская: «Часовенские самые вредные были [в драке], так говорили»⁷⁴.

В ряде мест с гордостью отмечали: «В нашей деревне [драк] не было, а вот на низу, там были забияки из молодежи»⁷⁵. Другие утверждали, что не было такого явления, как драка «деревня на деревню». Так, старожил 1914 г. р. из г. Шенкурска рассказывал: «А вот в Ямской Горе, говорят, деревня на деревню ходила. <...> а у нас здесь чево-то не было этова, не замечал. У нас было весело: гармонь – вот это да, было»⁷⁶. В Верхопаденьге также рассказывали: «Вот деревни еще дальше – Желтиковская и Подгорная [Верхосуланда], – так там деревня на деревню шли! У меня родители оттуда. Мы иногда ходили туда к старикам в гости»⁷⁷.

Некоторые элементы культуры, выступающие как различительный признак, фиксировались единично.

Заготовка дров. В Ракула-Кокшеньге, в д. Козловская была записана следующая информация о соседней д. Березник: «Вот деревня Березник зовется, а до сих пор березовыми дровами не топят там; а вот здесь топят [Козловская]. А 1,5 км разница, и берез там полно. Там делали што. Там около деревни еловый лес был, ой хорошие ели, большие. И што делали: такие надрезы. И дерево растет, и в самом низу делали такой надрез. А потом пройдет 2–3 года, подсо-

хнет ель и рубили: ох, и дрова были хорошие, сухие, но трещали хорошо»⁷⁸.

Пицца. Об особенностях выпечки рассказала уроженка д. Березник, 1925 г. р. (Ракула-Кокшеньга), имевшая возможность сравнить традиционные блюда своей местности с блюдами устьян, которые готовила ее свекровь из д. Сарбала, расположенной в 30 км от д. Березник. По ее словам, в Ракула-Кокшеньге пекли ячменные блины, а у устьян – гороховые. Выпечные изделия, известные в Ракуле как «сочни», устьяне называли «поросками». А «витушки», изготовленные из пшеничной муки в форме спиралевидной круглой булочки, традиционно называли «устьянские витушки»⁷⁹.

Во второй четверти XX в. отмечалось качественное отличие основных продуктов питания жителей деревень, расположенных вблизи города. Родители нынешних старожил (1928 г. р.) делились своими воспоминаниями с детьми: в то время как в дальних деревнях «мало было белой муки, а здесь было много, здесь ведь около города»⁸⁰.

Пляски. На Пезме рассказывали о «своей» пляске: «В каждой [местности], видимо, свое, в Устьянской – там Устьянской [пляска] называется, а у нас Пеземская». Эти пляски, носившие названия местностей, были широко распространены и любимы в среде местной молодежи, хотя об их отличиях уже не помнят.

Внешние отличия. На территории Поважья сведений о различиях внешнего вида жителей разных местностей зафиксировано не было. Однако в Шенкурском р-не была записана информация и о внешних, антропологических отличиях поморов, с которыми встречались уехавшие из родного края шенкуряне: «Вот, говорят, поморки вот белоглазые, говорят. И они действительно, у них волосы у всех светлые, и глаза такие светлые, белоглазые. А у нас-то ведь здесь нет таких. У нас все темноглазые, и волосы, если они не крашены, да не седые, они все темные. И раньше здесь темноглазые <...>, да в основном темные. Такое удивление было, если какая белобрысая появилась, – и эта уж не местная, это уж привезли»⁸¹.

Традиция идентификации по местностям, названия которых информативны только для жителей района и близлежащих территорий, до сих пор существует в Поважье. Несмотря на изменения, происходившие на протяжении XX в. в административно-территориальном делении, как правило, представители среднего и старшего поколения четко очерчивали «свою» территорию в рамках современного деления и неизменно указывали, что то или иное поселение, группа поселений – «раньше были не

наши, к нам не относились», имея в виду и территорию округа, и территорию прихода, и территорию сельсовета. Сохранение представлений о «своей» / «чужой» территории, возможно, объясняется и тем, что границы кустовых объединений деревень и разного рода официально принятых административных единиц обычно соотносились друг с другом.

Указание на принадлежность к той или иной группе актуализировалось в основном за пределами конкретной группы и связано с определенным набором этнокультурных характеристик, приписываемых ему. Возможно, ранее этот набор признаков был более полным. Об этом косвенно свидетельствует разносторонность указанных отличительных особенностей в сферах истории, хозяйства, предметов материальной культуры, говоре, структуре деревенских праздников и т. д. Но в настоящее время представления о различиях в сельскохозяйственной и ремесленно-промышленной деятельности, одежде и др. практически не соотносятся с современным образом жизни местных жителей, сохраняются только в воспоминаниях людей старшего поколения. Важной составляю-

щей соотносительных знаний на сегодняшний день остаются нравственно-этические характеристики, приписываемые разным территориальным группам. В ряде случаев сохраняются и некоторые особенности говора, причем не только у представителей старшего и среднего поколений, выросших без влияния таких средств массовой информации, как радио и телевидение, но и у молодых.

Следует отметить, что различительные особенности, существовавшие между разными территориями в рамках единой этнокультурной традиции, в сознании населения отошли на задний план. Этому способствовали укрупнительная политика государства и постоянный отток сельских жителей в города, исчезновение ряда поселений. Особенности культурно-политической жизни советского общества, когда жители одного уголка страны (в силу разных причин) отправлялись в другую ее часть и знакомились с иными региональными и этническими традициями, также оказали влияние на утрату знаний об этнокультурной специфике своей малой Родины.

³⁸ Тавреньга – возможно, имеется в виду куст поселений, расположенных в бывшей Тавреньгской вол. Вельского у. Вологодской губ, ныне территория современного Тавреньгского с/п Коношского р-на Архангельской обл.

³⁹ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 193. Л. 208.

⁴⁰ Сокол – деревня и фабричный поселок бывшего Кадниковского у. Вологодской губ., с 1932 г. – город, районный центр Вологодской обл.

⁴¹ Село Благовещенское бывшей Благовещенской вол. Шенкурского у. Архангельской губ., ныне центр Благовещенского с/п Вельского р-на Архангельской обл.

⁴² Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 208. Л. 63.

⁴³ Запись 2011 г.

⁴⁴ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 209. Л. 206 об.

⁴⁵ Там же. Д. 226. Л. 83 об.

⁴⁶ Там же. Д. 138. Л. 21.

⁴⁷ Там же. Д. 177. Л. 52.

⁴⁸ Там же. Д. 207. Л. 30 об.

⁴⁹ Там же. Д. 139. Л. 105 об.

⁵⁰ Там же. Д. 177. Л. 27 об., 28.

⁵¹ Запись 2011 г.

⁵² Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 177. Л. 77.

⁵³ Там же. Д. 139. Л. 77.

⁵⁴ Там же. Д. 177. Л. 52.

⁵⁵ Там же. Д. 192. Л. 104 об., 105.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Д. 139. Л. 107, 107 об.

⁵⁸ Там же. Д. 209. Л. 162.

⁵⁹ Там же. Д. 191. Л. 96.

⁶⁰ Там же. Д. 208. Л. 70 об.

⁶¹ По-видимому, имеется в виду один из двух широко распространенных у русских типов качелей, так называемые «круглые» или «перекидные». Они делались следующим образом: вкапывали в землю два столба, между которыми закрепляли вращающуюся ось, от которой по радиусам шли балки. На концах двух параллельных балок подвешивали деревянную кабинку, похожую на ящик, в которой и находились желающие покататься. Когда ось вращали, кабинки поднимались высоко над толпой.

⁶² Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 192. Л. 103 об.

⁶³ Там же. Л. 102.

⁶⁴ Там же. Д. 139. Л. 79 об.

⁶⁵ Там же. Д. 193. Л. 234 об.

⁶⁶ Там же. Д. 139. Л. 79 об.

⁶⁷ Там же. Д. 210. Л. 231.

⁶⁸ Там же. Д. 193. Л. 240, 240 об.

⁶⁹ Запись 2011 г.

⁷⁰ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 178. Л. 140.

⁷¹ Запись 2011 г.

⁷² Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 138. Л. 57 об., 58.

⁷³ Там же. Д. 193. Л. 240.

⁷⁴ Там же. Д. 207. Л. 33.

⁷⁵ Там же. Д. 191. Л. 85.

⁷⁶ Там же. Д. 207. Л. 9.

⁷⁷ Там же. Д. 207. Л. 49.

⁷⁸ Там же. Д. 191. Л. 80.

⁷⁹ Там же. Л. 81 об.

⁸⁰ Там же. Д. 177. Л. 27 об., 28.

⁸¹ Там же. Д. 210. Л. 230.

¹ В экспедициях участвовали также сотрудники Вельского муниципального краеведческого музея им. В.Ф. Кулакова (2003, 2004, 2006, 2010), Шенкурского районного краеведческого музея (2009, 2011) и Верховажского районного исторического музея (2011).

² Характеристика локальных групп была предложена в работах: Зими́на Т.А.: 1) Локальные группы Вельского р-на Архангельской области по полевым исследованиям 2003–2006 гг. // Материалы Восьмых Санкт-Петербургских чтений. – СПб., 2009. – С. 90–97; 2) К вопросу о локальных группах Поважья // Историческая этнография. – Вып. 4. Источники и методы изучения малых групп в этнографии. – СПб., 2010. – С. 129–137.

³ Здесь и далее цитаты из дневников экспедиций, хранящихся в архиве РЭМ, и записей 2011 г., находящихся в обработке // Архив РЭМ. Ф. 10. Д. 138, 139, 177, 178, 191–193, 207–210, 226, 227.

⁴ После войны начался процесс укрупнения колхозов.

⁵ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 138. Л. 22 об.

⁶ Там же. Д. 193. Л. 211, 211 об.

⁷ Запись 2011 г.

⁸ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 191. Л. 10–11 об.

⁹ Запись 2011 г.

¹⁰ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 208. Л. 66, 66 об.

¹¹ Власиевская Русиловская церковь с престолом св. Власия Севастийского и св. Николая Мирликийского, 1765 г. постройки.

¹² Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 191. Л. 10 об., 11.

¹³ Там же. Д. 207. Л. 13.

¹⁴ Там же. Д. 192. Л. 104–104 об.

¹⁵ Там же. Д. 177. Л. 52 об.

¹⁶ Там же. Д. 208. Л. 63.

¹⁷ Там же. Д. 210. Л. 231.

¹⁸ Там же. Д. 177. Л. 52 об.

¹⁹ Там же. Д. 210. Л. 235.

²⁰ Запись 2011 г.

²¹ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 139. Л. 76 об., 77.

²² Запись 2011 г.

²³ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 192. Л. 104 об., 105.

²⁴ Там же. Л. 147.

²⁵ Запись 2011 г.

²⁶ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 191. Л. 11 об., 12.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 177. Л. 27 об., 28.

²⁹ Там же.

³⁰ Запись 2011 г.

³¹ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 191. Л. 30 об.

³² Там же. Д. 192. Л. 104 об., 105.

³³ Там же. Д. 177. Л. 51 об.

³⁴ Там же. Д. 193. Л. 233 об.

³⁵ Там же. Д. 138. Л. 35 об.

³⁶ Там же. Д. 177. Л. 103.

³⁷ Деревня Вельцы бывшей Тавреньгской вол. Вельского у. Вологодской губ. ныне входит в состав Подюжского с/п Коношского р-на Архангельской обл.; расположена на р. Подюге.